

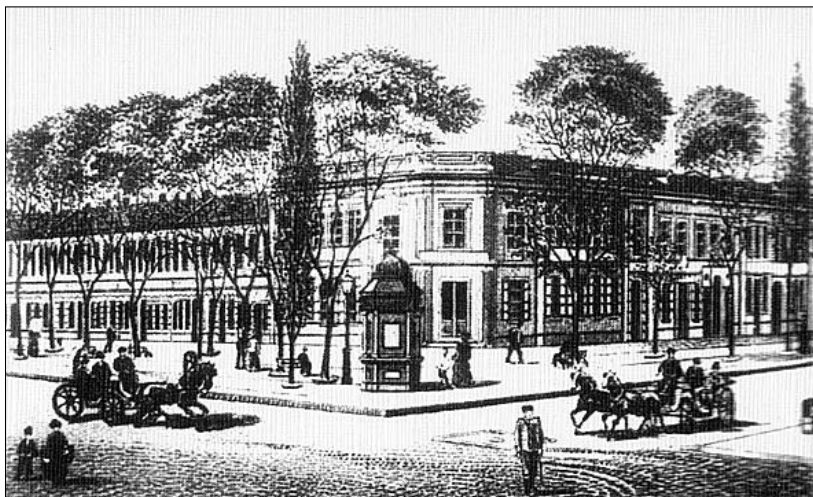
Угол Екатерининской

Остается лишь радоваться или печалиться, но не от нас зависит, что все вокруг меняется — климат, нравы, страны, моды, песни... Города меняются и людские суждения о них. В неторопливые давние времена, когда Одессе никто и ничего не мешало жить сообразно своей счастливой судьбе, ее частенько называли "маленьким Парижем". Кое-кто даже Париж предлагал именовать "большой Одессой". А наш земляк, известный скрипач Борис, или, как его называли, Буся Гольдштейн, впервые увидев французскую столицу, снисходительно заметил, что "Париж, как Одесса, тоже красивый город". Все это, конечно, милые одесские шутки, но в них, как всегда, только доля шутки. Можно вспомнить и перечислить немало черт и черточек, которые роднили эти два города, а одна из них в прямом смысле слова была яркой, и вдобавок благоухающей. Еще в 1875 году великий француз Мопассан, кстати сказать, вдохновитель нашего Бабеля, в полном вечных страстей романе "Милый друг" написал о том, как в Париже "был конец февраля. По утрам на улицах возле тележек с цветами уже чувствовался запах фиалок". То же самое, но о другом городе и через много лет написал в книге "Ни дня без строчки" Юрий Олеша: "В то время в Одессе февраль, особенно конец его, — это уже была весна! Во всяком случае, продавали фиалки...". Молодой художник из рассказа Ивана Бунина "Галя Ганская", встретив "в чудесный апрельский день" на Соборной площади юную героиню своего романа, "тотчас купил ей у оборванной девчонки букетик фиалок...". И Аминад Шполянский, известный когда-то всей читающей России под псевдонимом Дон Аминадо, в мемуарном очерке "Шарлота Клоде" не преминул отметить, что ранней весной в Одессе "уже появились на лотках первые фиалки, наполнявшие воздух усталым и нежным благоуханием". В других городах приметой весны считали гул ледохода, звон капли или шумную суету прилетевших с юга грачей. В Одессе приход весны связывали с появлением цветов, причем не на привольных приморских склонах или где-нибудь в степи за Большим Фонтаном, а на центральных улицах, вымощенных гранитными кубиками и синими плитками итальянской лавы.

У истоков этой радующей глаз и душу традиции стоял не кто иной как дюк де Ришелье, который по душевной привязанности ко всяким растениям усердно способствовал насаждению их в юном городе, а саженцы бе-

лой акации специально выписал из Италии. Ботаническое название этого дерева "*Robinia pseudacacia*", то есть "Робиния лжеакация", но для одесситов она самая настоящая и другой им не надо. По словам побывавшего во многих странах Владимира Жаботинского, "ничто так не характерно для Одессы, ничто так ее не напоминает вдали, как запах акации". И он был совершенно прав в этом своем утверждении, потому что акация давно уже стала символом Одессы, а пора ее майского цветения — такой же знаковой, как время белых ночей в Петербурге. "Ее белые висячие гроздья повсюду: на улицах, в парках, в домах и в ресторанах; они вплетены в гривы извозчицких лошадей, воткнуты в петлицы мужчин, припилены к женским волосам и бедрам, украшают вагоны трамваев, привязаны к собачьим ошейникам, — написал в рассказе "Большой Фонтан" Александр Иванович Куприн, который все это видел своими глазами. Удивительным образом проявляется иногда связь времен! Весной 1881 года на Прохоровской, Елисаветской, Торговой улицах и в Успенском переулке высадили более трех тысяч саженцев белой акации, далеких потомков той, что выписал Ришелье. А в это самое время на Фоминой балке в почтенном столетнем возрасте еще жил Степан Чалый, служивший садовником у дюка де Ришелье на его ухоженной до последнего кустика даче, от которой теперь осталось одно лишь название "Дюковский сад".

Благое дело, начатое стараниями Ришелье, продолжили его соотечественники. Большинство их осталось за плотной завесой прошедших времен, но кое-кого еще можно разглядеть. В апреле 1820 года специально для того приглашенный "ученый французский натуралист" Десмет устроил в Одессе ботанический сад, располагавшийся примерно в границах нынешнего Французского бульвара, проспекта Шевченко, Семинарской и Ботанической улиц. Первое дерево там посадил Александр Ланжерон и, видать, легкой была рука графа, поскольку из этого сада, возведенного потом в ранг Императорского, в большом количестве "переселились" на улицы, городские усадьбы и окрестные дачи саженцы разных деревьев, а в оранжереи и цветочные магазины — семена и луковицы лилий, гиацинтов, нарциссов, тюльпанов, роз, гвоздик, астр, фиалок, георгинов и даже альпийских маков. В середине 1840-х годов в Одессе появились садовники парижской компании "Людвиг Леклер и К^о", расположились в Пале-Рояле у своего земляка парикмахера Пеллетье и продавали там семена цветов. Ранней весной 1857 года господа Вейра и Мартин получили из Парижа "большой выбор цветочных растений и луковиц, служащих для украшения садов и оранжерей", для которых продавались и садовые вазы,

вырезанные из мальтийского камня теплого медового цвета. Тогда же в доме барона Кальма на Дерибасовской, 10, охочие до этого дела одесситы могли купить луковицы и семена редких цветов у только что прибывшего садовника Парижского общества цветоводства Дюпре. Его торговля, видать, сложилась так удачно, что через год он привез из Парижа и выставил на продажу в магазине на Екатерининской, 25, "коллекцию растений, каких еще не было в Одессе: камелии в полном цвете самых новых родов, розы, цветущие во всякое время года, луковицы и цветочные семена". А в декабре того же 1858 года, в начале капризной одесской зимы, садовники парижского цветочного заведения "Г.Г. Берг и К°" благополучно доставили и продавали в одном из магазинов Екатерининской площади азалии, камелии, рододендроны и розовые кусты "с высокими и низкими стеблями". Зимой даже в нашем южном краю цветы впечатляют куда больше и ценятся куда дороже, нежели летом. В январе 1860 года в начале Ришельевской улицы появились в продаже розы и камелии, выращенные в оранжереях парижского товарищества "Гарден и К°". Неподалеку располагалась известная швейцарская кондитерская Келя, и кавалер, сопровождая туда даму, в дополнение к пирожным изысканного вкуса и горячему шоколаду мог одарить ее цветами "из самого Парижа". В 1863 году на Ришельевской улице продавал цветы Пьер Вейра. И через десять лет сюда привозили цветы парижские садовники Балъм и Жиро, а у Маригота на Екатерининской имелись розы десятков сортов.

Помимо парижских садовников в цветочной торговле Одессы проявили усердие их коллеги из других стран. Еще в октябре 1827 года братья Рейбер из Голландии, этой классической страны цветов, привезли гиацинты и нарциссы, их луковицы и семена других растений. Десятью годами позже у прибывшего в Одессу голландского, как он себя именовал, художественного садовника Карла Крафта на Большой Арнаутской улице можно было приобрести цветочные семена "всех сортов и лучшей доброты". В 1856-1857 годах на Спиридоновской, 21, луковицы и уже выращенные из них гиацинты, нарциссы, тюльпаны, лилии, клубнелуковичные и гладиолусы продавал А. Кемлер, садовник из германского города Штутгарт, знаменитого помимо красного вюртембергского вина "Троллингер" своими цветами. На Дворянской, 26, покупателям предлагали только что привезенную голубую гортензию, а в несохранившемся ныне доме Портнова под № 9 на Дерибасовской улице — цветы, доставленные морем из Константинополя вместе с клубникой, баклажанами и помидорами.

Торговля иноземными цветами имела резон, особенно после того как в 1896 году новыми правилами "для привоза из-за границы в Россию живых растений, плодов и овощей" было оговорено, что "ветви с листьями, листья и цветы, а также луковицы и клубни без земли не признаются живыми растениями". Только теперь их не привозили, как встарь, заезжие "садовники-гастролеры", а заказывали владельцы цветочных магазинов. Летом 1893 года на Екатерининской, там, где в 1956 году построили дом китобойной флотилии "Слава", под № 17, открылся магазин А. Шейдекера, который заверял покупателей, что все их заказы "исполняются быстро, со вкусом и по доступным ценам", а цветы, особенно в преддверии рождественских и пасхальных праздников, большими партиями закупал во Франции. Оттуда же их доставляли во "Французский магазин семян и цветов" Ф. Дюффрена на Ришельевской, 7. В начале 1900-х годов этот магазин, уже под названием "На память", принадлежал Л. Генрикету, и продавались там цветы, выращенные в его собственных садах в Италии. Круглогодично получало из Ниццы розы, нарциссы, лилии и гвоздики садоводство Я.Ф. Кноделя на Французском бульваре, 38, чей магазин был на Садовой, 15. Но привезенные из-за границы цветы при всем их разнообразии и экзотичности лишь частично удовлетворяли все возрастающий спрос на этот нежный товар, а остальные в большом количестве успешно выращивали местные цветоводы.

В любом деле, не только в цветочной торговле, спрос определяет предложение, важно только своевременно уловить его малейшее дуновение.

Одним из примеров того остались в истории старой Одессы так называемые "красные шапки". Кто-то уразумел, что всегда находятся люди, которые по разным причинам не хотят или не могут собственноручно вручить кому-нибудь пакет, деловое письмо, интимного содержания записку, букет или корзину цветов, и с удовольствием заплатят тому, кто это сделает за них. И появились посыльные, которые, кстати, не сами по себе промышляли этим занятием, но были объединены в артели, коих в начале XX века имелось уже целых три — одна на Раскидайловской и две на Внешней, нынешней улице Мечникова. И разглядеть их даже на многолюдной Дерibasовской не составляло труда, так как носили они фуражку с красным верхом и черным околышем, на котором красовалась медная бляха с надписью "Посыльный". Такая же бляха, но с надписью "Артельщик коммерческой артели" и личным номером, была прикреплена к наплечному ремню вместительной прямоугольной сумки, которая являла собой непрременную принадлежность посыльного. А на услуги его была установлена артельная такса. За выполнение поручения в пределах города посыльному следовало 20 копеек, если же ему нужно было добираться куда-нибудь дальше — на Фонтаны, скажем, или в Аркадию, то платили по соглашению, но не более стоимости его проезда туда и обратно на конке или трамвае и сорока копеек за труды.

Удачное предложение при толково составленной рекламе иногда само формирует спрос. Еще в мае 1860 года одесский итальянец Сантини открыл на Ришельевской улице цветочный магазин, где продавали цветы и принимали подписку на абонементы, по которым за 2 рубля в месяц можно было каждое утро получать свежий букет. И желающих неожиданно оказалось так много, что репортер "Одесского вестника" даже написал, что "иметь букет цветов в комнате войдет, может быть, в наши нравы". А в цветоводстве Оскара Скокана, принимали комнатные цветы для пересадки их в новые, большего размера горшки. Если же кто из любителей желал сие проделать собственноручно, то могли там за 25 копеек купить целое ведро просеянной и хорошо удобренной земли. Это заведение было открыто в начале 1880-х годов на Дерibasовской, несколько раз меняло свой адрес, потом обосновалось во дворе дома № 44 на Херсонской, нынешней улице Пастера. Там во всякое время года продавали цветочные семена, корзины цветов, букеты, в том числе специально собранные свадебные, осенью устраивали выставки хризантем, а для украшения пасхального стола заготавливали тысячи цветущих растений. Бывает, что люди, собираясь в деловую поездку, на курорт, в гости к иногородним родственни-

кам или еще куда-нибудь, не имеют на кого оставить домашние растения, которые нужно регулярно поливать. На этот случай в 1910-х годах, когда заведением Скокана уже владел его сын Михаил Оскарович, там придумали своего рода гостиницу для цветов — туда можно было сдать вазоны с растениями для правильного ухода за ними в собственной оранжерее.

В 1894 году на Коблевской, № 45, открылся цветочный магазин Ивана Леонидовича Смирского, у которого имелись, как он их рекламировал, "корзины новейших заграничных фасонов" и всевозможные букеты в изящных портбукетах, то есть специальных футлярах из шелка или плотной бумаги. Через десять лет, за которые магазин обрел широкую известность, а его хозяин "за труды по садоводству" был удостоен медалей Императорского Российского общества садоводства и министерства земледелия и государственных имуществ, Смирский открыл еще один магазин и через все газеты поспешил известить о том настоящих и будущих покупателей: "В виду назревшей необходимости расширить рамки моего цветочного дела, чтобы отныне иметь приятную возможность отвечать самым взыскательным вкусам и требованиям многоуважаемой публики, я открыл с 12 октября с. г. 2-е отделение магазина в собственном доме под фирмой "*Maison de fleurs*" ("Дом цветов". — **Р. А.**) на Ланжероновской, 16".

Без цветов, конечно, можно было обойтись, на худой конец довольствуясь ароматом популярных одеколонов "Дивный ландыш" или "Дивная сирень" производства Московского товарищества "Брокер и К°". Но с цветами жизнь как-то радостней, веселей и приятней. И понимали это не только городские жители, но городские власти. В 1843 году, когда в Пале-Рояле разбили сквер с диагональными, по предложению княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, аллеями, его сразу же засеяли резедой и другими цветами. Возле Городского театра с той его стороны, что обращена к Пушкинской улице, был большущий газон, цветы на котором высаживали таким образом, что на фоне зеленой травы они образовывали герб Одессы. Ярким кольцом окружали цветы фонтан в Городском саду, и с весны до самых холодов цвели они в Александровском парке на огромной клумбе перед аркадной стеной, откуда открывается вид на Карантинную гавань одесского порта. И, если кто решался сорвать там цветочек, то заметивший это полицейский чин обязан был доставить нарушителя к мировому судье, поскольку еще в 1885 году было принято "обязательное постановление о мерах к ограждению от повреждения насаждений по улицам, бульварам и другим общественным местам". Но эти цветы служили украшением города и предназначены были для всеобщего наслаждения.

В 1867 году во дворе Новороссийского университета на Дворянской, 2, построили небольшую, на два отделения, оранжерею. И пять лет спустя редкий бразильский кактус выбросил там огромный, величиной с блюдо, желтый цветок, который наполнил всю оранжерею запахом ванили. Но все, что усердно высаживалось и успешно росло в той оранжерее, предназначалось для научных занятий.

Богатые же любители редких цветов и теплолюбивых деревьев устраивали собственные оранжереи. Прекрасная оранжерея была на даче основателя крупнейшего на Юге страны Одесского общества торговли аптекарскими товарами Ю. Лемме, который великодушно пожертвовал выращенные им цветы для украшения памятника А.С. Пушкину в день его открытия 16 апреля старого стиля 1889 года. Осенью этого же года городской голова и председатель Одесского отделения Императорского общества садоводства Григорий Григорьевич Маразли построил оранжерею в саду своей дачи на Мало-Фонтанской дороге — будущем Французском бульваре, там, где потом был санаторий им. В.П. Чкалова. "Грандиозная и образцовая", как ее тотчас назвали, оранжерея длиной в сорок метров была увенчана остекленным куполом, собранным из американских металлических переплетов, и снабжена паровым отоплением. Она обошлась Маразли в огромную по тем временам сумму в тридцать тысяч рублей, но, как говорится, охота пуше неволи. К тому же, он столько денег отдавал на всякие благотворительные нужды, что с чистой совестью мог позволить себе что-нибудь потратить в свое удовольствие. Да и не в одиночку он любовался там редкостными растениями, но с законной гордостью и всегдашней приятностью показывал их многочисленным гостям. А в июне 1893 года, когда общество садоводства устроило на даче Маразли праздник роз, почетных гостей его водили в оранжерею.

Коммерческие же оранжереи, где цветы выращивали на продажу, не могли сравниться с той, которую воздвиг Маразли, но тепло держали, солнечный свет пропускали и доход своим хозяевам приносили. Одну из них, на полторы тысячи вазонов с цветами, в середине XIX века городской садовник Ганс Герман для собственной коммерции держал по соседству с Институтом благородных девиц, на месте которого теперь Национальный морской университет. А в 1860-х годах в оранжерее на Садовой улице можно было не только купить букет, но заказать цветочные композиции для украшения праздничного стола и декорирования комнат. И на каждый такой заказ там выдавали сертификат, свидетельствующий о том, что эти цветы выращены в "Оранжерейном заведении Викентия Майтне-

ра". Тогда же была оранжерея в Пале-Рояле, куда в антрактах выходили зрители из Городского театра — степенно прогуливались, церемонно раскланивались, многозначительно переглядывались, игриво перемигивались, мужчины курили сигары, что в театре категорично запрещалось, и подносили дамам цветы. Букет стоил там от рубля и выше, что было дороговато по тем временам, когда не в самом, правда, шикарном ресторане обед из четырех блюд и кофе подавали за пятьдесят копеек. Ежели кто по причине дурной погоды или какой-либо другой не желал выходить за цветами в Пале-Рояль, то в самом театре мог купить их в киоске Богдана Штамма. В те годы сразу за Куликовым полем начинались дачи, или, как их называли, хутора. На хуторе одесского жителя Штапельберга, там, где сейчас дом № 29 на Пироговской улице, которой тогда и в помине не было, Штамм имел оранжерею, где в числе других цветов зимой даже ландыши цвели. После пожара театра Штамм открыл цветочный магазин на Ришельевской, который потом отошел к его сыну Владимиру, а тот устроил новые оранжереи на 16-й станции Большого Фонтана.

Цветочная торговля стала семейным занятием и для купца 2-й гильдии Александра Бруна и Почетного гражданина Николая Бруна. На Французском бульваре против дачи Маразли братья держали садоводство "Царство цветов" и под этим же названием — роскошный магазин на Екатерининской, 17, где раньше торговал цветами А. Шейдекер. По дороге же к Люстдорфу с конца XIX века на сорока пяти гектарах раскинулся питомник семейства Роте — "Громадный выбор фруктовых и декоративных деревьев и кустарников, хвойные деревья, саженцы и пр. Богатейшая коллекция роз". Заказы на все это принимали в конторе питомника в собственном доме его владельцев на Дерибасовской, 23, а неподалеку, в Пассаже, в цветочном магазине Юлиуса Карловича Роте с начала 1900-х годов продавали розы.

На вкус и на цвет, как известно, товарищей нет. И на цветы, наверное, тоже. Одних сводит с ума майский аромат сирени, другие часами могут любоваться грациозной лилией, о которой А.С. Пушкин написал: "И в зал, как лилия крылатая...". Но королевой цветов испокон веку считается роза, и одесские цветоводы это хорошо знали. Если бы кто прошел тогда от "розового" магазина Роте по Дерибасовской улице до Гаванной, то с королевой этой мог повстречаться еще один раз.

В ялтинском доме А.П. Чехова на тумбочке рядом с его рабочим столом лежали каталоги тех садовых заведений, которые в его время поставляли лучшие, как сегодня сказали бы, элитные семена. И среди этих, те-

перь уже раритетных изданий, есть каталог с длинным, зато обстоятельным названием "Э.Г. Веркемейстер. В Одессе. Садовое заведение и склад семян. Пироговская улица. Собственная дача № 11 по дороге к военному госпиталю. Семена: огородные, цветочные и сельскохозяйственные исключительно высшего качества и испытанной всхожести". Потом на этом месте много лет был стадион СКА. А в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX века тут располагалось хозяйство Эмиля Георгиевича Веркемейстера, поставленное настолько серьезно, что местное отделение Императорского Российского общества садоводства регулярно устраивало туда экскурсии, которые, по словам специалистов, представляли "большой интерес для садоводов, так как у него имеется превосходнейший ассортимент роз и вообще редкие образцы цветов". Действительно, у Веркемейстера имелось множество саженцев, луковиц и семян самых разных растений. Но больше всего он любил розы, понимал в них толк, и возможно, поэтому они были "специальностью его заведения" в количестве более пятисот сортов. И вся эта красота продавалась в магазине Веркемейстера на Гаванной, 10, рядом с Городским садом. Желающие же могли заглянуть к нему на Пироговскую, как о том в книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" написал Валентин Катаев, который в юности жил в доме № 3 на той же улице: "...Раздобыв гривенник, я отправлялся в садоводство Веркемейстера... Семена продавались в глубине участка в маленьком домике... Веркемейстер с головой Иоганна Себастьяна Баха, не торопясь, выдвигал узкие ящички, выкладывая на прилавок перед покупателем конвертики с цветной картинкой, изображающей цветок...". Несколько таких конвертиков можно увидеть в чеховском доме, в одном из них даже осталось несколько семян, которые если не всхожесть сохранили, то память о былом сберегли.

Память своенравна, и никогда не предугадать, что сохранит она, а что проигнорирует. Цветочные магазины старой Одессы являли собой великолепное зрелище. Яркий свет электрических ламп дробился в струях фонтанов, окруженных букетами, корзинами и вазами с цветами. Сияли зеркала. Блестела позолота лепных украшений. В подсвеченных аквариумах кокетливо помахивали хвостами вуалехвостки. Канарейки в клетках пели о чем-то своем. И воздух казался густым и ароматным, как варенье из роз, которое одесские хозяйки подавали к чаю в самых торжественных случаях. При новой власти, когда все пошло прахом, старые цветочные магазины, кто-то, может быть, еще вспоминал, но с годами они бесследно канули в прошлое, потому как никто из современников ничего

о них не написал. Другое дело — уличные цветочницы.

Еще в 1869 году к товарам, которые "могут быть продаваемы без взятия свидетельств лицами всех состояний в разнос, на столах, ларях, лотках, по рынкам, улицам, в городах и пригородных местах", были причислены "цветы натуральные и растения". И в Одессе на каждом шагу встречались цветочницы, весь магазин которых состоял из ивовой корзинки с букетиками цветов, стоившими всего ничего. Они прохаживались аллеями Городского сада и по Дерибасовской возле "Пассажа", где вечерами их сменя-

ли нестрогие девы. В Александровском парке к уединившимся парочкам подходили разного возраста мужички, коих иронично называли "мальчики с цветами", протягивали букетик, и если кавалер отказывался его купить, раздражались такими словами, которых, наверное, не имел в своем лексиконе бабелевский персонаж папаша Крик, "старый биндюжник, сльвший между биндюжниками грубияном". И в круглом сквере против вокзала можно было увидеть цветочниц, которые не оставили своего занятия даже весной 1918 года, когда немецкие солдаты в увенчанных шишаками касках несли там караул возле пушки, нацеленной на Пушкинскую улицу.

Но не все цветочницы продавали букетики в разнос. В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова "Золотой теленок" можно прочесть о том, как "цветочницы с красными матросскими лицами купали свой нежный товар в эмалированных мисках", а осенью "холодные хризантемы тонули в мисках цветочниц". Они сидели обычно на улицах возле своих мисок и ведер, где лежали цветы, которые желающие сами выбирали, как та девушка из неоконченной поэмы "Февраль" Эдуарда Багрицкого:

Она останавливалась у цветочниц,
Ее пальцы выбирали розу,
Плававшую в эмалированной миске,
Как маленькая махровая рыбка.

Багрицкий множество лет, сначала в Одессе, потом в Москве, держал, разводил и изучал аквариумных рыбок, чем и объясняется, наверное, появление этого поэтического образа. Но если бы авторы, будь то поэты или прозаики, видели мир и жизнь одинаково, то могла случиться большая беда, поскольку кончилась бы литература. И для того же цветка Юрий Олеша нашел совсем другое сравнение. "На углу... цветочницы продавали розы... Большие розы, как лебеди, медленно плавали в мисках, полных горьковатой воды и листьев", — написал он в романе "Три толстяка". Это сказка, но "настоянная" на одесских реалиях, памятных Олеше с детства. А потому "большие розы, как лебеди", скорее всего, плавали в мисках тех, известных всей Одессе цветочниц, которые с начала 1900-х годов, если не раньше, сидели на Екатерининской улице против дома № 14, что на углу Дерibasовской, где располагался огромный универсальный магазин Вильяма Вагнера, а до этого был Ришельевский лицей.

За десять лет до выхода романа Юрия Олеша, еще на заре своей прозы, Исаак Бабель напечатал "Листки об Одессе", в одном из которых "сияет наше солнце, пахнущее морем из Карантинной гавани и цветами с Екатерининской...". Но это лишь намек, понятный одним только одесситам. А в киноповести "Беня Крик" уже появляется конкретная адресная привязка: "Группа цветочниц на углу Дербасовской и Екатерининской. Игривые бабы с цветами на фоне витрин лучшего магазина в Одессе — магазина Вагнера".

Дом Вагнера, тремя своими фасадами и воротами выходящий на Ланжероновскую, Дербасовскую и Екатерининскую, когда-то и городской достопримечательностью считался, и ориентиром служил. "Возле большого углового дома Вагнера испокон веков шла уличная торговля цветами, — первым делом сообщает читателю Валентин Катаев, а уже потом описывает ее со всеми яркими подробностями. — Это был один из красивейших уголков города, где прямо на тротуаре под платанами стояли зеленые рундуки и табуретки, заваленные цветами. В синих эмалированных мисках плавали розы. Из ведер торчали снопы гладиолусов, белых и красных лилий, флоксов, желтофиолей, тубероз. В плоских тростниковых корзинах густо синели тесно наставленные букетики пармских фиалок, нежно и влажно пахнувших на всю улицу. Пахло сыростью резеды, левкоями, гелиотропом". Поначалу этот кусочек текста вошел в роман "Катакомбы". Позже, когда сложилась тетралогия Катаева "Волны Черного моря", автор, дабы избежать повторов, переместил его в роман "Зимний ветер" и, привязывая ко времени действия, привнес в него осенние мотивы:

"Но сейчас уже был октябрь. Время цветов миновало. Зеленые столы и табуретки наполовину опустели. Но зато был в полном разгаре сезон хризантем. Зеленовато-белые, желто-коричневые, лиловые, кремовые, лимонные, канареечные, с туго закрученными к центру цветка узкими, как лапша, жирными лепестками, они лежали прямо на тротуарах целыми грудями, распространяя в холодном октябрьском воздухе свой особый, ни на что не похожий, не цветочный, а какой-то другой, острый, раздражающий аромат японских духов".

Осенью, летом и даже зимой цветов там бывало столько, что они своим многообразием и ароматами порой "выплескивались" на Дерибасовскую, сообщая ей дополнительное очарование. "На дореволюционной Дерибасовской было немало живописного, — вспоминал на склоне лет Лев Исаевич Славин в очерке "Итак, я жил тогда в Одессе". — Продавщицы цветов на углу Дерибасовской и Екатерининской, такие же нарядные и красочные, как их тюльпаны и розы, качавшиеся в ведрах с водой". Так было даже в кошмарном 1919-м, когда все вокруг полыхало, но Одесса еще оставалась островком спасения, и "на Дерибасовской улице каждый вечер можно было встретить около цветочниц многих знаменитых людей", как написал свидетель всего этого Константин Паустовский в автобиографической повести "Начало неведомого века". Когда близкий человек выздоравливает после тяжелой болезни, к нему начинают относиться с особой любовью и нежностью. Это и с городом может случиться, но не с каждым, конечно, а с таким, как Одесса. Вскоре после того, как в апреле 1944 года ее освободили от оккупантов, К. Паустовский написал "Южную Пальмиру". По жанру это был очерк, а по сути — объяснение в давней любви к городу, где неутомимые рыболовы удили бычков с портовых волнорезов, повсюду наливали зельцерскую воду с разноцветными сиропами, гомонили щедрые базары, шелестели листвою сады Французского бульвара, звенели цикады по всему морскому обрыву, и на центральной улице продавали цветы: "Вот угол Екатерининской и Дерибасовской. Здесь всегда по вечерам стояли цветочницы. В тазах с холодной водой лежали груды роз, пионов, сирени. На ветвях деревьев, над цветами висели горящие фонари. Рядом сверкало электричество, но старая традиция сохранилась, — цветочницы приносили с собой фонари, зажигали их, и мягкий свет смешивался с запахом цветов".

Строки Паустовского навеяны его романтичным восприятием Одессы, но цветочницы там и впрямь были особенные. Они не сварились друг с другом, не переманивали покупателей призывными возгласами: "Муж-

чина, идите до меня!", а если у кого не хватало каких-то копеек, всегда делали уступку, понимая, что не при обычном товаре состоят, а при радости человеческой и красоте. По словам Федора Михайловича Достоевского, красота спасет мир, и эту сентенцию частенько повторяют, ничем, кстати, не рискуя, поскольку она всегда обращена к будущим временам. Правда, никто почему-то не вспоминает, что красота не только всемогуща, но беззащитна. И где-то в начале 1970-х годов цветочниц прогнали с насиженного места те, которые, что одесское имеют, то не ценят, потеряют — и не плачут.

В этой печальной связи можно вспомнить нашего земляка писателя Виктора Григорьевича Финка, автора многих произведений, в том числе написанного по личным впечатлениям, нашумевшего когда-то романа "Иностраннный легион". В конце 1919 года он на время вернулся в Одессу, жил на Пушкинской, 64, и остался потом в повести К. Паустовского "Время больших ожиданий" под именем Виктора Хвата. В годы же первой мировой войны судьба привела Финка в город Реймс, известный своим шампанским и старинным собором, где короновали многих французских королей. "Я видел разбитый собор, который в течение семи столетий был исторической святыней французского народа, — писал он в мемуарном очерке "Ромен Роллан в Париже". — На паперти, в уголке, очищенном от руин, сидели цветочницы. Весь город был разрушен и безлюден. Но несколько женщин сидели на низеньких стульях на паперти, и перед ними стояли корзины пышных шампанских роз... Я потом часто вспоминал реймских цветочниц. Зачем они сидели со своими цветами под собором, который подвергался обстрелу? Простые крестьянки, они по привычке приходили на это место, где всю жизнь торговали цветами. Покупателей не было, а цветочницы все же приходили. Это было сохранение дорогой традиции". А у нас ее без зазрения совести разрушили...

Много лет с той поры пролетело и цветов расцвело и завяло, когда январским вечером 2008 года на этом углу появилась некая бабушка-старушка и развела нехитрую торговлю. Можно было спокойно пройти мимо ее мешочков с орешками, фисташками и семечками, если бы рядом с ними в эмалированном бидончике не стояли белые розы числом с десятка полтора. Как говорили когда-то в Одессе, даю голову на разрез, что она ни сном ни духом не ведала, на каком памятном месте устроилась. Но, как заметил Сомерсет Моэм, "ничто так не пробуждает воспоминания, как запах". И тем прохожим, которые еще не все забыли, едва уловимый в холодном воздухе аромат роз напомнил многое. Угол Екатерининской...